

## **ИНТЕРВЬЮ О БУДУЩЕМ ПСИХОЛОГИИ**

---

### **ЕЛЕНА БЕЛИНСКАЯ О БУДУЩЕМ ПСИХОЛОГИИ\***

Поступило в редакцию 3 марта 2020 г.

Интервью доктора психологических наук Еленой Павловной Белинской\*\* продолжает серию публикаций, в которых представлены взгляды авторитетных ученых-современников на актуальные проблемы и направления исследований психологической науки. Вопросы задавал Тимофей Александрович Нестик\*\*\*. Ниже публикуются вопросы и ответы на них Е.П. Белинской

**1) Первый вопрос, который хотелось бы задать, связан с теми направлениями исследований, которые Вы сейчас держите в фокусе внимания, и с теми социально-психологическими или общепсихологическими проблемами, которые у Вас в коротком листе ожидания, т.е. до них пока не доходят руки, но заняться ими хотелось бы.**

В зоне сегодняшнего интереса я держу все, что связано с проблематикой совладания, по двум основным причинам: во-первых, я продолжаю достраивать

---

\* Интервью выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Социальные представления российских психологов о будущем психологической науки», № 17-06-00675.

\*\* Доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»; 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9; elena\_belinskaya@list.ru

\*\*\* Доктор психологических наук, профессор РАН, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии РАН; 129366, Москва, ул. Ярославская, дом 13, корпус 1; e-mail: nestik@gmail.com.

курс по этой проблеме, а он достраивается плохо, он никак не может отструктурироваться у меня в голове, хотя мы с Еленой Ивановной Шлягиной ведем его уже не первый год. Вторая причина, по которой я слежу за всем, что выходит на эту тему, связана с тем, что, как мне кажется, сегодня это такая исследовательская точка, которая удачно переводит в режим современной, актуальной для психологии темы повседневности, уже сложившуюся классику (например, подверженность человека тем или иным стрессовым факторам). Мне кажется, что это вообще очень трендовая идея – перевести проблематику, связанную с особенными ситуациями в жизни человека или группы, на язык обыденный, узнаваемый, если хотите, человеческий. И все, что связано с современными исследованиями совладания, как-то очень удачно переходит на язык повседневного бытия.

А то, что в листе ожидания, что мне тоже интересно, но до чего никак не дойдут руки, – это все, что связано с жизнью – формированием, развитием и динамикой виртуальных сообществ, виртуальных социальных групп, которых сегодня много, и вокруг которых уже несколько последних лет идут достаточно развернутые исследования. Вот такие две точки в фокусе моего внимания.

**2) Довольно много своих исследований Вы посвятили проблеме идентичности. Что происходит с социальной идентичностью под влиянием тех технологических изменений, которые мы наблюдаем? В том числе в смешанной реальности, когда граница между жизнью онлайн и офлайн размывается.**

С одной стороны, это, конечно, интересный вопрос. С другой стороны, вся проблематика идентичности перестала быть интересной, потому что сегодня она настолько междисциплинарна и многообразно интерпретируема, что этим понятием стало покрываться огромное феноменологическое поле, границы которого все более размываются. Это может иметь разные причины.

Возможно, это поле объективно тоже размывается, и это – к ответу о том, что происходит с идентичностью в силу перемешивания жизни онлайн и офлайн. А может быть, это понятие просто нуждается в более четкой операционализации в рамках каких-то отдельных дисциплинарных направлений.

Что касается каких-то вещей, которые я знаю просто в силу исследовательского опыта в этой проблематике, то, отвечая на вопрос о возможных модификациях идентичности в связи с перемешиванием онлайн- и офлайн-режимов существования современного человека, да, есть проблемы этого ядра идентичности и его конституирующих факторов. Объективно, с одной стороны, принадлежность к большому количеству виртуальных сообществ размывает любые социальные идентификационные характеристики, умножая их до бесконечности. А с другой стороны, ничто не ново под луной: несмотря на всю виртуализацию жизни, на невозможность для молодых разделить жизнь на офлайн и онлайн режимы, в плане становления персонального ядра идентичности центральным остается вопрос ценностного выбора. Может, сегодня он решается дольше и труднее – в том числе в силу известного релятивизма нашего времени...

**3) Наверно, в условиях современности стало гораздо проще, чем раньше, переопределять и маркировать эти границы.**

Да, и это, с одной стороны. А с другой, постоянное пересамопределение, постоянная перереконструкция «Я», внутренняя жизнь как череда каких-то сюжетов – это ведь в предельном значении отказ от какого-либо личностного ядра, это абсолютная яма релятивизма. В этом плане снова получается возврат к тому же самому – к ценностям, к системе каких-то собственных ценностных иерархий. И здесь вопрос, насколько эта постоянная, неизбежная в этой относительности социального пространства опора на себя способна выдержать такое давление в очень динамичной, размытой и, я бы сказала, толерантной в

смысле требований к последовательности своего поведения среде? Сегодня можно быть очень разным, можно много раз менять профессию, партнеров, сферу увлечений, достраивать себя до бесконечности. Это прекрасно. Вообще, жизнь – как те истории, которые я, условно, не только написала, но и которые в любой момент могу переписать, это жизнь такая, знаете ли, очень относительная, не говоря о том, что очень одинокая. Мне так кажется. Это уже какой-то абсолютно экзистенциальный сюжет.

А исследовательски получается все то же самое. Допустим, те же модели капитала идентичности, которые сегодня становятся популярными, – это ведь те же уши, только в профиль.

Фактически, назовите это словами «накопление жизненного опыта» или опытом самоопределения, в том числе деятельностного, и Вы получите старые песни на новый лад. В этом смысле каких-то новых, прорывных теоретических моделей или идей про идентичность я что-то не вижу. Может быть, конечно, я просто не знаю.

**4) Какие социально-психологические феномены выходят, на Ваш взгляд, на первый план, становятся более интересными, чем раньше? Каким образом это отражается на психологии повседневности? И почему растет интерес к процессуальным подходам, особенно в области социальной психологии личности?**

Да, Вы правы, интерес к процессуальным подходам, конечно, растет, и именно потому что сам процесс, а не его детерминанты или его конечные результаты, становится во главу предметного интереса. Мне кажется, что для социальной психологии в целом это очень интересно. Сейчас набирает обороты тема изучения различных социальных чувств, переживаний, эмоций – чувства справедливости, несправедливости, стыда, вины. Это уже, казалось бы, в прошлом, но сегодня все вышло на какой-то новый виток. Я говорю об изучении всевозможных социальных страхов, всевозможных эмоциональных

реакций разных социальных групп – тех же переживаний обиженности, несправедливости, зависти, установок стыда и вины. Эта история для социальной психологии в определенной степени нова и не очень разработана. Мы сколь угодно долго можем говорить о взаимосвязи аффективной и когнитивной сфер, но в реальности большинство феноменов или закономерностей, известных нам из social cognition, не укладывалось на эту «подкладку». Они изучались в классическом варианте, в абстрагировании от аффективной компоненты – а это неверно, что называется, феноменологически. Это то, что не только интересно исследовательски, но и то, что достаточно актуально практически, потому что именно через анализ социальных переживаний мы можем как-то приблизиться к востребованности наших исследований. В конце концов, для большинства людей их чувства имеют значение.

Кстати, отдельная интересная линия исследований на эту тему есть на нашей кафедре социальной психологии. Достаточно назвать книгу Александра Ивановича Донцова «Феномен зависти», вышедшую еще в 2014 г. Есть и коллективная монография под редакцией Татьяны Гавриловны Стефаненко «Коллективные переживания социальных проблем», вышедшая в 2015.

Лично мне сейчас безумно интересно – у меня идет исследование, которое пока никак не оформлено, – про переживание различных страхов и собственных уязвимостей в силу высокого уровня виртуализации и цифровизации повседневной жизни. Это из серии «большой брат откуда-то на меня смотрит» – мы переживаем эти уязвимости именно как страх. И что мы делаем для того, чтобы снизить свой индивидуальный уровень уязвимости? Получается очень забавно и даже смешно, потому что, как сейчас видится, там есть очень яркие межпоколенные различия, и большой вопрос – это межпоколенные различия в восприятии социальных рисков вообще или это

межпоколенные различия, связанные с разной степенью включенности в новые информационные технологии? Я не готова ответить на этот вопрос.

**5) Да, наши исследования тоже показывают, что поколение Z в значительно большей степени обеспокоено цифровыми рисками, чем, например, поколения Y или X. Хотя самые тревожные, практически по любой проблеме, это представители поколения «шестидесятников».**

Так вот, Вы знаете, что смешно? Каждое поколение у нас – не социологические поколенческие когорты, а с шагом в пять-семь лет. Есть 18-20-летки, есть 27-28, есть 35, есть 42, и есть 50+, то есть шаг здесь нетрадиционный. Самое смешное – и это как раз объяснимо социально-психологически, – каждая группа считает, что те, которые на шаг младше, ничего не боятся, потому что дураки, маленькие и «боятся меньше, чем следует», а те, которые на шаг старше, всегда обвиняются в том, что «они боятся больше, чем следует». При таком шаге в пять-семь лет получаются вполне нормальные, развернутые и детализированные разговоры и прогнозы относительно страхов и уязвимостей, а когда берешь шаг побольше, то начинается: «Это я не знаю, это слишком страшно». Ну да... так далеко мы не глядим. Я понимаю, когда это происходит в возрасте 27, но когда это в возрасте 50+, то это очень забавная история.

**б) Интересно, связано ли это каким-то образом с изменением стратегий совладания?**

Я думаю, это связано не с изменением стратегий совладания как таковых, а с абсолютным принятием – по-разному, но тем не менее принятием, – на себя лично ответственности за собственную защищенность. Вне зависимости от возрастной группы и вне зависимости от уровня профессионализации внутри цифровых технологий – а у нас были разные профессиональные группы – все наши респонденты говорят о том, что ни с чьей стороны нет защиты. Защитить себя – дело рук каждого. Возникает такое ощущение, что каждый гребет и

плывет в своей лодке без всякого соотнесения с тем, что вокруг, – возможно, рядом тоже кто-то выгребает. Я не знаю, есть ли такие исследования у нас, но мне кажется, что это отзвук какого-то общего тренда, – с одной стороны, какого-то отчаянного поиска солидаризации, а с другой стороны, не менее отчаянной установки на индивидуальное выживание и, соответственно, на индивидуальную защиту. В этом смысле это, конечно, совладание, но только высокого уровня, не как стратегии.

**7) Какие изменения в обществе и технологиях могут быть причиной такого дефицита оснований для солидаризации? Может быть, есть какие-то тренды, которые скоро станут вызовом для социальных психологов и потребуют пересмотра нашей проблематики?**

Вы знаете, я бы сказала, что есть какая-то фундаментальная обманка современного мира. С одной стороны, это какое-то постоянное напоминание и постоянная для общественного сознания тема субъектности. «От тебя зависит то, се, пятое, десятое», «ты можешь кучу всего», «никогда не поздно то-то и то-то», «с помощью тех или иных специалистов ты достигнешь невероятных высот», т.е. такой повышенный, формирующийся в общественном сознании, даже не запрос к индивидуальному достижению, потому что это не чистой воды «достигаторство» в социальном плане, а постоянное напоминание, что ты субъект, что ты в определенном смысле творец, что ты, черт возьми, конструктор этой своей индивидуальной линии бытия. В этом есть большой обман, потому что никто не отменял одновременно с этим нашей фантастической и все более и более усиливающейся в силу глобализации, цифровизации и всех рисков современного технологического развития индивидуальной человеческой хрупкости и уязвимости. Мне кажется, есть какой-то очень большой обман, когда человек начинает верить в то, что «ты можешь все, можешь выбирать, можешь строить, можешь достигать, можешь учиться всю жизнь и, соответственно, всю жизнь профессионализироваться».

Мы ведь очень зависим от колоссального количества случайных, уже сегодня плохо поддающихся человеческому контролю глобальных рисков и глобальных факторов изменений, потому что они непредсказуемы.

**8) Это перекликается с наблюдениями американских социологов, отмечающих крушение прежних идеалов личных достижений и богатства, запрос на новые основания для социального признания, новые маркеры успешности.**

Да, конечно. К слову, я не понимаю, что сегодня могло бы быть маркером социальной успешности, просто потому что если мы встанем в позицию исключительно индивидуализации пути, исключительно достижения человеком каких-то своих внутренних целей, реализации своих крайне индивидуальных потенций, прислушивания к своим уникальным чувствам и заодно самореализации исключительно по принципу «как я хочу», то мы, вообще-то говоря, навсегда потеряем идею солидарности, идею социального служения, идею кооперации. В этом плане некоторым идеалом социальной успешности, наверно, было бы умение найти баланс между собственными индивидуальными профессиональными самореализациями и нуждами той профессиональной группы, к которой ты принадлежишь. Это сегодня совсем немодно – ведь идея социального служения, она существует преимущественно с точки зрения волонтерства. Поэтому, к слову сказать, ужасно интересны – я, правда, не знаю подобных исследований – такие виртуальные социальные сообщества, как, например, сообщества, связанные, если речь идет о большом городе, просто пространством проживания. По Москве их несколько десятков. Это очень забавная штука, потому что они «про все» – про съём и сдачу жилья, с одной стороны, про социальный активизм, с другой стороны, про обмен какими-то редкими фотографиями своего района и, в то же время, про взаимную эмоциональную поддержку, если человек просто написал: «Кто бы со мной



сегодня вечером выпил кофе?» Это какая-то новая форма социальной общности.

**9) Возможно, это одна из форм того самого коллективного копинга, которым Вы стали заниматься одной из первых у нас в стране. Как Вам кажется, в чем ключевое отличие коллективного копинга от индивидуального? И каковы могут быть его новые формы под влиянием современных технологий, когда алгоритмы все чаще защищают нас от травмирующего опыта, а наряду с близкими людьми появляются боты-психотерапевты? Каково будущее коллективного совладания в цифровом мире?**

Вы знаете, не очень понятно, каково его настоящее, – что уж тут говорить о будущем. Здесь есть колоссальное количество чисто исследовательских проблем.

Как только людей в групповом совладании становится больше двух – а их там всегда больше двух – начинаются трудности, так как, что, например, считать маркером групповой стратегии? Понятное дело, что не совокупность индивидуальных... Тогда что? Характер принятия решения? Наличие, отсутствие или определенный тип конфликтных или солидарных взаимодействий? Наличие или отсутствие определенных групповых переживаний? Все это вместе взятое? Или, может быть, определенный тип группового поведения, когда мы, допустим, отрицаем какие-то проблемы, которые стоят перед нами как перед группой, и коллективно прячем голову в песок? Когда я сейчас все это перечисляла, то неминуемо оказалась в ловушке уже известных стратегий совладания, которые известны по отношению к человеку, индивиду, – потому что я не знаю других классификаций, хотя совершенно очевидно, что групповая реальность, в отличие от индивидуальной, будет давать новую феноменологию совладания. Там могут быть другие стратегии прежде всего потому, что у группы другие защитные механизмы.

Если сказать, что копинг – это то, что осознанно отстраивается над системой психологических защит, то, наверно, осмысливая группу по аналогии с человеком, можно сказать, что групповой копинг – это то, что осознанно надстраивается членами группы над какими-то привычными, алгоритмизированными, возможно, не всегда осознаваемыми и даже автоматическими групповыми защитами против этой действительности.

**10) Сейчас нас все чаще пугают глобальным изменением климата, его последствиями, которые достигнут нас едва ли не через десять лет. У некоторых эта атмосфера алармизма вызывает своего рода климатические депрессии, а Грета Тунберг обвиняет людей старшего поколения в том, что они украли у ее поколения будущее... Какие механизмы совладания могут быть задействованы в ситуации, когда на место неопределенности будущего приходит более определенная картина грядущих катастроф?**

Я не знаю, как на уровне общества в целом, но думаю, что на уровне отдельных социальных групп возможны разные варианты. Возможен подход рационализации со стороны интеллектуалов, которые скажут: «Нет, подождите, давайте разберемся». Возможен – и в силу низкой информированности, и в силу нежелания быть информированным – подход, скажем так, ухода, который будет звучать как «Моя хата с краю, ничего не знаю». И таких людей тоже очень много: «В конце концов, нас это не коснется».

Естественно, возможен вариант не очень адекватных реакций – кстати, наверно, было бы интересно исследовать, насколько частотно сегодня такое поведение, когда человек строит свою защиту сам, используя все что угодно, начиная от замкнутого цикла обеспечения собственного загородного дома, продолжая накоплением продуктов долгосрочного хранения.

**11) Когда люди начинают собирать «рюкзак выживальщика»...**

Да-да, между прочим, есть же курсы – и они становятся все более популярными – оказания быстрой помощи, курсы выживания там и сям, курсы

подготовки себя телесного к каким-то якобы возможным испытаниям, с которыми современный человек цивилизованного мира вообще-то не сталкивается. Плюс сюда же увлеченность определенными, уже философскими идеями, которые позволяют, скажем так, немножечко «спокойнее» (именно в кавычках), медитативнее отнестись к опасностям этого мира в силу разных причин – то ли потому, что есть альтернативный мир, то ли потому, что миров вообще безумное количество, то ли потому, что все равно все умрем, – неважно. Да, я думаю, что определенные верования в широком смысле, включая какие-то философские учения, тоже, наверно, становятся более востребованными.

**12) Наши исследования, кстати, показывают, что один из возможных ответов – это надежда на возврат к традиционным ценностям или по крайней мере убеждение в том, что нужно еще более сильное государство, более жесткий контроль...**

Да, конечно, и один из вариантов – это ужесточение правил игры, потому что в самом деле, если взять первую реакцию на внешнюю угрозу, первую реакцию на какие-то риски, то, конечно, первое возникающее здесь желание – это желание большего контроля, а желание большего контроля – это всегда делегирование кому-то силовых полномочий.

**13) В чем, на Ваш взгляд, может состоять роль социальных психологов в этой ситуации?**

Мне кажется, роль социальных психологов в этой ситуации и может, и должна, и, наверно, состоит в том, чтобы быстрее мониторить динамику общественных настроений. Это, конечно, не только задача нас, социальных психологов, это в определенной степени задача всех гуманитариев. Но мне кажется, что мы все время немножко не успеваем, что мы все время где-то на полшага, а то и больше, позади этой динамики – по ряду причин. Понятно, что наука не очень поворотлива, но это еще и потому, что сегодня есть очень большая

дифференциация внутри разных социальных слоев, разных поколенческих когорт, разных профессиональных групп. У нас грубоватые инструменты, немного неповоротливые механизмы научного поиска, и в этом плане мы, как мне кажется, все время немного запаздываем. А социальная психология должна все-таки успевать бежать чуть-чуть впереди паровоза, успевать схватывать текущий социальный момент – и прежде всего через чувства.

**14) А как нам может помочь или помешать индустрия анализа больших данных, которыми нас снабжает интернет вещей? Сегодня с помощью гаджетов и цифровых следов мы можем фиксировать реальное поведение людей 24/7. Как это повлияет на социальную психологию и ее методы?**

Да, думаю, здесь находится точка смычки собственно людей, которые заняты исследованиями, и людей, которые владеют быстрым применением технологий Big Data и технологиями построения нейросетей. Сегодня, будем честны, эти технологии не сильно приняты в научном сообществе, но, понятное дело, хорошо работают в рекламе, анализе потребительского поведения у тех или иных заказчиков.

Естественно, это можно использовать не только для того, чтобы лучше работала контекстная реклама. Понятно, что это можно использовать много для чего, в частности для анализа деталей социального поведения разных социальных групп, по-разному сегментированных. Другое дело, что я не вижу механизмов, которые позволили бы интегрироваться людям, которые традиционно сидят только в науке, и людям, которые традиционно сидят только в каких-то прикладных вещах, связанных с бизнесом, рекламой или с чем-то подобным. Допустим, в Яндексе есть исследовательская группа, довольно молодая и по возрасту, и по времени создания тоже, но у них очень конкретные, маленькие задачки, и они вполне успешны в их решении. Сложно было бы упрекать их в том, что они не хотят чего-то еще. Мы понимаем, что

есть какие-то бóльшие задачи, но у нас нет соответствующих молодых рук и технологических возможностей. Как найти друг друга – это, конечно, вопрос.

**15) Некоторые наши коллеги, психологи старшего поколения, отмечают снижение интереса молодежи к социальной психологии. Замечаете ли Вы это? И если да, то с чем это может быть связано?**

Вы знаете, это «мировая» загадка и для меня тоже. С одной стороны, если говорить о современном студенчестве, например, конкретно о детях, которые приходят на специализацию к нам, на социальную психологию, то с одной стороны они обладают гораздо бóльшим спектром социального опыта, чем мы в их возрасте. Они обладают как минимум опытом трудоустройства, опытом того или иного зарабатывания денег, опытом различных социальных коммуникаций, необязательно в своей возрастной страте, но и с людьми старше себя. Они обладают опытом таких специфических социальных коммуникаций, как, допустим, публичность выступлений, и во многом это связано с теми же соцсетями. Обвинить их в отсутствии социальной компетентности мне было бы сложно.

Одновременно с этим они обладают каким-то потрясающим социальным инфантилизмом или, лучше сказать, романтизмом. Например, они иронизируют над сегодняшними рисками в случае политического активизма. Им кажется, что глобальные социальные проблемы как-то очень от них далеки или даже вообще не существуют. Фантастика. Тут приходили дети, и оказалось, что проблема, которой они хотели зажечь сердца людей сегодня на нашем факультете, – это борьба за отдельный сбор мусора. Вы можете себе представить? Вот та социальная проблема, которую они видят и дифференцируют!

Я говорила с четвертым курсом в рамках спецкурса о разных виртуальных сетевых сообществах. Они проанализировали очень много разных сообществ, среди них им встретились сообщества взаимной поддержки и помощи жертвам семейного насилия, – их очень много сегодня. Они на меня смотрят, эти девочки –

мальчиков там мало – и говорят: «А что это за сообщества, зачем они?» Я говорю: «Так ведь есть у нас такая социальная проблема в обществе, почему было не взять-то ее?» – «А почему есть проблема?» – «Потому что несколько лет назад был принят соответствующий закон, и есть доказанная связь между принятием этого закона и определенным всплеском семейного насилия, и это социальная проблема...» А ведь это будущие психологи сидят. Они смотрят на меня, и в глазах у них настоящая тоска, потому что им непонятен этот уровень социальной проблематики – не потому, что он от них далек с точки зрения социальной бытийности, а потому, что это слишком высокий уровень обобщения. Вот раздельный сбор мусора – это да...

**16) Этот пример напоминает нам также о том, что в основе выбора проблематики для исследований могут лежать разные основания. На что Вы ориентируетесь, когда решаете для себя, что интересно, а что нет? Есть ли какие-то критерии, по которым можно определить перспективное направление исследований?**

Я в этом плане плохой пример, для молодежи особенно. Все то, что мне интересно сегодня, возникало случайно, и в этом плане я никогда не оценивала перспективность или неперспективность этих занятий. Мне это просто нравится; я и сегодня своим студентам, дипломникам и аспирантам говорю: «Если вам что-то интересно, если вам это почему-то – неважно почему – в кайф, то дело пойдет, потому что заниматься можно только тем, что интересно». В конце концов, если человеку интересно цветное зрение у обезьян, то значит, у него будет прорыв именно в этой области, вне зависимости от степени гносеологической остроты и социальной востребованности проблематики. Допустим, сейчас мне и одной моей аспирантке безумно интересна тема психологии обиды и прощения. С одной стороны, про это эмпирически вообще ничего нет, а с другой стороны – очень много в мировом опыте психотерапии. Но ведь там другие тексты и другая

традиция понимания феноменологии. Но исследовательски – это нехоженое поле, и оно мне безумно интересно. Оно, конечно, перекликается с такой острой, востребованной во многих странах, включая нашу, социальной проблематикой, как ощущение обиженности целыми социальными группами. И это даже не стигмы в классическом понимании слова, не собственно стигматизирование, а именно «нам недодали», «нас не до конца приняли, не до конца уважили» – вот эта история.

В этом смысле для меня психология обиды – это тема социальной психологии, а не психологии личности, хотя, конечно, это индивидуальные переживания в том числе. С чего вдруг мне это стало интересно? А черт его знает. В этом плане у меня нет какого-то такого, если хотите, чутья, кроме собственного ощущения «интересно – неинтересно». Но мне кажется, нельзя заниматься чем-то определенным в науке из соображений, что оно как будто «надо» или «общество требует».

**17) Когда принимаются решения о финансировании тех или иных направлений, как Вам кажется, каких критериев можно придерживаться?**

Мне кажется, критерием оценивания любой заявки на какой-то новый исследовательский проект должна быть, во-первых, оценка гипотезы, а во-вторых, оценка имеющегося задела. Это необязательно наличие определенных публикаций, скорее, задела в плане постановки проблемы, в плане интересности гипотезы и ее фундированности. Ведь по тому, как человек заявляет проблему, даже если он еще почти ничего не сделал и у него нет конкретного исследовательского взгляда и тем более публикационного задела, – всегда понятен уровень мышления человека. Но я не являюсь экспертом какого бы то ни было фонда, поэтому я не очень хорошо знаю, как люди пишут, заявляя свою проблему.

**18) Я часто вспоминаю наши совместные инициативы в области социально-психологических форсайтов. Что, на Ваш взгляд, можно**

**изменить в коммуникациях между исследователями, например, в проведении конференций, чтобы стимулировать постановку новых научных проблем?**

Мне кажется, что одной из хороших идей совмещения старого и нового является не только доклад, но и наличие содокладчиков, которые занимают какую-то необязательно противоположную, но альтернативную позицию по отношению к заявленной проблеме. Тогда очень многое падает на модератора, на ведущего, потому что важно, чтобы это наличие позиции, а также дополнительной позиции или контрпозиции, задавало бы в силу разновекторности пространство для дальнейшего обсуждения. Конечно, должна быть бóльшая «обсуждабельность», бóльшая интерактивность, если хотите, этих форм, и, мне кажется, бóльшая включенность разных поколенческих когорт. Не секрет, что относительно конференций есть поколенческое деление: «Это для молодых и борзых, а это для нас уважаемых». И порой кажется странным появление какого-то человека здесь, а другого – там. Должен быть, ну что ли, микст какой-то...

**19) Какими еще инструментами можно повысить внимание психологического сообщества к слабым сигналам приближающихся социальных и технологических перемен?**

Одно время была популярна идея экспертизы, в том числе социально-психологической, различных инноваций или каких-то больших, возможно, травматических событий, которые затрагивали большие группы людей. Это касалось, допустим, техногенных катастроф. Речь об идее социальной плюс психологической или социально-психологической экспертизы каких-то вещей, которые вовлекают массу людей...

**20) В том числе законов, которые разрабатываются...**

В том числе законов и возможных реакций на какие-то хоть экономические, хоть социальные инновации, реакций на какие-то техногенные истории и



инновации, например, в городской среде, в Москве, которых полным-полно – мне это кажется важным. То есть нужен какой-то, естественно, независимый институт социально-психологической экспертизы, социальных процессов – в широком смысле социальных, там разные могут быть сценарии. Вот это было бы, наверно, интересно. Вопрос только, кто бы это стал делать, и, главное, что у любой экспертизы всегда есть заказчик. Кто заказчик подобного рода труда? Это для меня вопрос. То, что это не в широком смысле власть, – очевидно. То, что это конкретные детализированные властные субъекты разного уровня, – может быть. То, что это неминуемо трансформируется – и содержательно, и методически, по мере снижения уровня заказчика, тоже понятно.

### **21) Могут ли это быть какие-то крупные интернет-сообщества типа Change.org или Avaaz?**

Change.org – да, возможно, потому что им было бы интересно как минимум отслеживать эффективность, – по-моему, у них это не сильно поставлено, они отслеживают просто статистически, у них просто вертится калькулятор, т.е. у них все работает по принципу «да/нет», без детализации. Да, возможно, это могут быть такого рода сообщества... А может быть, и владельцы определенных YouTube-каналов, потому что это история, которая, как мне кажется, вообще не имеет своего исследователя, в то время как все большее и большее количество людей переходит на YouTube как альтернативу телевидения, и молодежь, естественно, первая. С точки зрения исследователя, там полно всего интересного: как формируется зрительская аудитория, есть ли возможность со стороны людей, которые делают каналы, управления в сторону этих аудиторий, где границы социального влияния, есть ли они вообще, похожи ли они на уже известные социальные закономерности? Одним словом, мне кажется, что владельцы больших, с миллионами подписчиков, YouTube- или Telegram-каналов могут быть заказчиками социально-психологической экспертизы.

22) Есть темы, которые мы успели затронуть в разговоре, и есть те, которые остались за рамками внимания. А если бы Вы сами проводили эту серию интервью и разговаривали с психологами о будущем психологии, о чем бы Вы их спросили? Может быть, есть вопросы, которые я не задал, а должен был задать?

Я бы спросила – но это педагогический перекокс – что, как Вам кажется, интересно сегодня «маленьким», про что им интересно слушать, с чем они приходят как с запросом «поисследовать», потому что все-таки уже пора признать, что им кое-что виднее, чем нам. И то, что им интересно, в определенной степени формирует завтрашнюю повестку дня. А еще я бы искала респондентов, которые в значительной степени сидят на прикладных исследованиях. Сегодня заказчики в сфере бизнеса или из силовых структур часто оказываются более чуткими, чем российские исследовательские фонды.

#### **ELENA BELINSKAYA ABOUT THE FUTURE OF PSYCHOLOGY\*\*\*\***

The interview with the doctor of sciences in psychology, professor Elena Pavlovna Belinskaya\*\*\*\*\*, continues the series of publications in which renowned scientists discuss perspective directions of research in psychological science. The questions are asked by Timofei Aleksandrovich Nestik \*\*\*\*\*.

---

\*\*\*\* The project was supported by Russian Foundation for Basic Research, № 17-06-00675 “The collective representations of Russian psychologists about the future of psychological science”.

\*\*\*\*\* Doctor in psychology, professor, Lomonosov Moscow State University; b. 9, 11, Mohovaya st., Moscow, 125009, Russia; elena@belinskaya@list.ru

\*\*\*\*\* Sc.D. (psychology), RAS professor, head of the laboratory of the social and economics psychology, Federal-State-financed Establishment of Science, Institute of Psychology, Russian Academy of Science; 13-1, Yaroslavskaya str., Moscow, 129366; e-mail: nestik@gmail.com